

Пределы свободной оценки доказательств по уголовным делам

Тимошенко А.А.,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор Академии Генеральной прокуратуры РФ
E-mail: antimi@yandex.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается процедура оценки доказательств в современном российском уголовном процессе в несколько необычном контексте. С одной стороны, отмечая историческую преемственность законодательства, автор обращает внимание на достаточно широкие пределы свободы оценки доказательств, он говорит о «безграничных» возможностях правоприменителя в этом вопросе: в его силах применить дискрецию в том объеме, который необходим по конкретному делу. С другой стороны, анализ отдельных норм УПК РФ и, прежде всего, его ст. 75 свидетельствует о существовании ограничений. К их числу относятся: необходимость соблюдения принципа законности, установления объективной истины по делу, обеспечения прав и свобод человека и гражданина, ну и, наконец, психолого-субъективные факторы, которые превращают должностное лицо в раба своих эмоций, проявлений отдельных личностных черт. Автором для ухода от опасностей, вызванных этой неоднозначной ситуацией, предлагается законодательно сформулировать уголовно-процессуальный принцип справедливости с упором на правозащитную функцию судьи, прокурора, следователя и дознавателя.*

***Ключевые слова:** принцип справедливости уголовного судопроизводства, доказательство, свобода оценки доказательств, внутреннее убеждение, состязательность и равноправие сторон.*

Вот уже на протяжении более чем 150 лет наша страна отказывается от формальной оценки доказательств при производстве по уголовным делам.

Уже в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.¹ каких-либо предписаний относительно признания большей юридической силы за каким-либо видом доказательств не содержится. И письменные доказательства, и показания, и улики с вещественными доказательствами в равной степени подлежали исследованию судом при постановке приговора.

Для сравнения: в дореформенной России времен Екатерины II суд рассматривал, как правило, письменные доказательства, а показания свидетелей допускались только в случае одновременного представления минимум двух «синхронных» доказательств². Сами же судьи находились под «неусыпным» контролем прокурорского надзора, были подотчетны губернаторам и их аппарату³. Естественно говорить о свободе судейского усмотрения можно было только с большими условностями.

Заимствование в ходе судебной реформы XIX в. французских институтов привело к формированию в уголовно-процессуальном праве в общем-то независимых внесловных судебных учреждений⁴, что наряду с фактически введенным принципом свободы оценки доказательств заложило демократические начала уголовного судопроизводства в Российской Империи.

Прогрессивность этого шага в масштабах мирового развития общества трудно переоценить: Россия наконец-то во второй половине XIX в. отказалась от средневековых пережитков инквизиционного процесса.

В последующем, несмотря на коренное изменение политического строя страны после Октябрьской революции, этот принцип стал преобладающим. Так ст. 71 УПК РСФСР 1960 г. гласила: суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием. Никакие доказательства для суда не имеют заранее установленной силы.

В первые годы Советской власти условий для обеспечения реализации на практике результатов оценки доказательств по «внутреннему убеждению» было на порядок больше, чем во времена «развитого социализма». Как известно, широко использовавшийся тогда термин «революционное правосознание» по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой тех лет, каких-либо правил императивной оценки доказательств не предполагал что называется «а priori». Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» прямо указывал: «местные суды должны рассматривать дела, руководствуясь в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противостоят революционной совести и революционному правосознанию»⁵.

Надо сказать, в теории уголовного процесса изучение принципа свободы оценки доказа-

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² Подробнее см.: Гессен И.В. Судебная реформа. СПб.: Типо-Литография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905. С. 5–6.

³ См.: Воропанов В.А. Правовое регулирование статуса судей и судебных представителей в законодательстве Екатерины II // История государства и права. 2012. № 20. С. 43–44.

⁴ Конечно же, за исключением волостных судов и судебных присутствий, созданных за годы контрреформы и особенно после первой русской революции 1905–1907 гг.

⁵ СПС «КонсультантПлюс».

тельств является самостоятельным направлением на протяжении уже длительного времени остающихся актуальными научных разработок.

Отдельным вопросам этой темы в разное время посвятили свои труды известные ученые-криминалисты: В.Б. Алексеев⁶, Р.С. Белкин⁷, Ю.М. Грошевой⁸, Г.М. Резник⁹, А.А. Старченко¹⁰, М.С. Строгович¹¹, Л.Т. Ульянова¹² и др.

Основным лейтмотивом рассуждений авторов относительно свободной оценки доказательств являлась разработка концепции мыслительной деятельности судьи, прокурора, следователя, которые в поисках истины разрешают вопросы, имеющие значение для уголовного дела, руководствуясь при этом совокупностью собранных доказательств и опираясь на внутреннее убеждение и сформированное у них правосознание. Строгое соблюдение принципа законности в этих условиях также являлось обязательным, так как выводы должностного лица ни в коем случае не должны противоречить закону¹³.

Специалистами активно разрабатывалась теория проверки собранных доказательств на предмет их допустимости. Такая процедура должна была носить в большей степени не «кабинетный», а исследовательский характер, являясь результатом применения права к установленному факту¹⁴. Иными словами, субъект доказывания в рамках проверки доказательств мог получить новые фактические данные, сопоставить их друг с другом, исследовать, что называется, в натуре.

Современный уголовно-процессуальный закон связывает оценку доказательств с проверкой их на предмет относимости, достоверности, допустимости и достаточности (ст. 88 УПК РФ), тем самым смешивая процедуры оценки и проверки доказательств.

В связи с этим совершенно справедливо оценку доказательств с их проверкой отождествляет на доктринальном уровне представитель научной

школы Всероссийского научно-исследовательского института МВД России В.М. Карпенко¹⁵.

Еще больше ранее выделяемое их различие размывается, когда рассуждения ученых касаются оценки доказательств на различных стадиях уголовного процесса и, прежде всего, на стадии разрешения уголовного дела судом по существу.

Так, А.В. Бунина предлагает считать оценку доказательств окончательной только после проверки всей совокупности собранных по делу доказательств судьей. До этого момента говорить об этом, по мнению автора, рано, так как не произошло сопоставление их между собой, не разрешены возможные противоречия. Именно в этом контексте ученый говорит о независимости и беспристрастности судьи, о формировании у него внутреннего убеждения¹⁶.

Полагаем, что оценка доказательств должна пониматься максимально широко и происходить буквально в любой момент производства по уголовному делу. Ведь, к примеру, прокурор, руководствуясь ст. 88 УПК РФ, получив жалобу обвиняемого, может признать собранное доказательство недопустимым по мотивам нарушения закона на любой стадии досудебного производства по уголовному делу.

По сему поводу свобода оценки доказательств жестко связана с законом и им во многом определяется, он же и устанавливает ее пределы.

Это утверждение справедливо, если под свободой оценки доказательств понимать возможность судьи оценить их по своему внутреннему убеждению без внешнего ограничивающего воздействия на правоприменительную волю. При этом под свободой воли понимается способность человека (в данном случае судьи) к самоопределению в своих действиях¹⁷.

При таком отношении к свободе вполне логичным видится суждение об ограничении свободы российского судьи, прокурора и следователя, *необходимостью соблюдать уголовно-процессуальный закон (или же закон в широком смысле этого слова)*.

К примеру, признание доказательств недопустимыми происходит ввиду нарушений закона. Статья 75 УПК РФ сформулирована таким образом, что позволяет признать недопустимым любое доказательство, полученное с нарушением закона, даже формальным. При этом в теории уголовного процесса процессуальное правонарушение не требует установления всего состава

⁶ См.: Алексеев В.Б. Оценка доказательств в стадии надзорного производства. М.: Юрид. лит., 1971.

⁷ См.: Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. М.: Наука, 1966.

⁸ См.: Грошевой Ю.М. Теоретические проблемы формирования убеждения судьи в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1975.

⁹ См.: Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М.: Юрид. лит., 1977.

¹⁰ См.: Старченко А.А. Логика в судебном исследовании. М.: Госюриздат, 1958.

¹¹ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1.

¹² См.: Ульянова Л.Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М.: Госюриздат, 1959.

¹³ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 427–428.

¹⁴ См. подробнее: Хмыров А.А. Косвенные доказательства. М., 1979. С. 136; Резник Г.М. Указ. соч. С. 15.

¹⁵ См.: Карпенко В.М. Оценка доказательств следователем и дознавателем в досудебном производстве по уголовным делам: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2009. С. 30.

¹⁶ См.: Бунина А.В. Приговор как акт правосудия. Его свойства: монография. Оренбург: Изд-ий центр ОГАУ, 2006. С. 118.

¹⁷ См.: Грицанов А.А. Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом, 2003. С. 842.

преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), которое является неперменным условием привлечения, к примеру, к административной ответственности. Достаточно признания формального отступления от императивных требований УПК РФ¹⁸.

Надо сказать, что и сам наш уголовно-процессуальный закон сформулировал не принцип свободы доказывания, а принцип свободы оценки доказательств, заставив судью, прокурора и следователя в ходе этой процедуры учитывать соблюдение процессуальной формы, как обязательного условия собирания доказательств¹⁹.

С учетом изложенных рассуждений *первым ограничением принципа свободы оценки доказательств* является сам закон и установленная им формализованная система доказывания.

Такой подход является для нас традиционным. Например, в уже цитированном издании по теории, подготовленном под редакцией Н.В. Жогина, отмечалось: «*Всякое искажение истины и отступление от закона, под каким бы предлогом оно ни происходило, противоречит интересам Советского государства, коммунистической идеологии, нравственности и правосознанию*»²⁰.

Следствием этого является введение в практику судебной деятельности штампов и подходов, упрощающих сложности процесса доказывания.

Уже «классическим» стал оборот, применяемый в судах вышестоящих инстанций, о том, что доводы апелляционной жалобы (представления) лишь направлены на переоценку фактических обстоятельств дела (выводов), содержащихся в решении суда. Так, только Московским городским судом данная оценка доводам сторон дана за последние 2 года по 100 уголовным делам²¹.

Издержки подобного упрощения проявляются на международной арене, когда работа нашей судебной системы ревизуется судьями Европейского Суда по правам человека, «проповедующими» принцип свободы доказывания.

Так, по делу «Турбылев против Российской Федерации»²² российский суд указал на отсут-

ствие оснований доверять показаниям заявителя о жестоком обращении с ним, допущенном сотрудниками милиции, сославшись на показания самих милиционеров. Действительно, УПК РФ каких-либо требований к необходимости дополнительно проверить доводы заявителя не содержит. Достаточно сослаться на какое-либо одно доказательство, а по поводу остальных, противоречащих ему сведений, указать — «суд критически оценивает их». Однако международному органу правосудия для обеспечения права на справедливое судебное разбирательство этого явно недостаточно. Он в излагаемом постановлении указывает, что требуется учитывать явную заинтересованность сотрудников правоохранительного органа в даче ложных показаний, необходимо самым тщательным образом не просто оценивать доводы заявителя, а проверять документы, представленные им суду. В данном случае речь идет о медицинских документах, указывающих на наличие у заявителя телесных повреждений.

Выходом из ситуации могло бы стать прямое закрепление в законе обязанности профессиональных участников уголовного судопроизводства, за исключением адвоката, обеспечить всесторонность, полноту и объективность расследования и разрешения уголовного дела²³. Исследование доказательств на основе требований разумности путем активного применения правил логики, подробный анализ установленных и устанавливаемых фактов — только украсит любое процессуальное решение. Более того, это позволит обеспечить воспитательную функцию правосудия: продемонстрирует неотвратимость возмездия, уменьшит возможности для коррупционных проявлений. Ведь одним из неперменных условий подкупа в уголовном процессе является уверенность в невозможности изменить проданное процессуальное решение. Подготовить вопреки закону и сложившейся доказательственной ситуации решение по делу, отвечающее правилам логики, отражающее результат обстоятельного критического анализа представленных доказательств, практически невозможно.

В этом смысле необходимость установления *объективной истины является еще одним ограничением свободы оценки доказательств*. Судья по правилу ч. 2 ст. 154 УПК РФ, должностные лица — представители стороны обвинения — и суд обязаны обеспечить полноту и объективность расследования и разрешения дела. Судья, способный по собственной инициативе задавать вопросы подозреваемым, обвиняемым, свидетелям и потерпевшим в ходе судеб-

¹⁸ О некотором отступлении от этого, казалось бы, жесткого правила см.: Тимошенко А.А. Разумность как средство от формализма в науке и практике (уголовно-процессуальный аспект) // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 162–169.

¹⁹ Это, по мнению Л.В. Головки, отличает современный российский уголовный процесс от порядка производства по уголовным делам, установленного в ведущих странах континентально-европейской системы права (Франции и Германии) (Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016. С. 425–426).

²⁰ Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 493.

²¹ По данным СПС «КонсультантПлюс».

²² Постановление ЕСПЧ от 06.10.2015 «Дело «Турбылев (Turbylev) против Российской Федерации» (жалоба № 4722/09) // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Именно в этом ключе Е.В. Селина рассматривает принцип свободы оценки доказательств на основе внутреннего убеждения (см.: Селина Е.В. Свобода оценки доказательств (принцип объективной истины) по положениям Уголовно-процессуального кодекса РФ о презумпции невиновности // Современное право. 2016. № 1. С. 110).

ного следствия, при этом действует именно как исследователь и, несмотря на свою уверенность в развитии событий, приведших к нарушению уголовного закона по сценарию, предложенному, к примеру, стороной обвинения, не может проигнорировать доводы стороны защиты, если они позволяют установить имевшийся ход вещей. Проявление же судьей такой инициативы при сборе доказательств является залогом устранения его собственных сомнений в причастности обвиняемого к совершению преступления, а в некоторых случаях — в достаточности предъявленного обвинения.

Так вот именно как ограничение свободы оценки доказательств и видится обязанность установления объективной истины, и связано это с невозможностью должностных лиц ограничиваться только, так называемой, «процессуальной истиной»²⁴. Ведь оценка доказательств, если она свободна, также может носить формальный характер. К примеру, на утверждение стороны защиты о непричастности лица к совершению преступления, судья при избрании меры пресечения ссылается на справку оперативного сотрудника, представленную следователем в обоснование необходимости заключить под стражу подозреваемого. И суд принимает позицию обвинения с формулировкой: стороной обвинения представлены достаточные доказательства, указывающие на такую причастность.

Дело в том, что именно требование соблюдения объективной истины, которая, особенно на ранних стадиях процесса, носит вероятностный характер, диктует устранить сомнения в достаточности собранных доказательств, разрешить противоречия между ними.

Недопустимость формального подхода суда к исполнению своих обязанностей обозначена в Постановлении Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда»²⁵. В этом решении как раз и выведена из содержания конституционного статуса судебной власти, ее обязанности обеспечить соблюдение прав и свобод человека и гражданина, правовая позиция, согласно которой у судьи имеется процессуальное правомочие возратить в порядке ст. 237 УПК РФ уголовное дело прокурору в связи с необходимостью ужесточить обвинение привлекаемому к уголовной ответственности лицу.

²⁴ Под процессуальной истиной ее сторонники понимают что называется «голый формализм»: она есть «соответствие судебного процесса требованиям процессуального права (Никитаев В.В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление // Состязательное правосудие: тр. науч.-практ. лаб. М.: Изд-во Междунар. ком. содействия правовой реформе, 1996. Вып. 1. Ч. 2. С. 254).

²⁵ СПС «КонсультантПлюс».

В этом случае судья действует не в рамках обвинительного уклона, а обеспечивает высшую степень реализации права — защиту прав и законных интересов граждан, даже вопреки формальным, ограничительным предписаниям закона. Тогда речь должна идти об особом гуманистическом понимании процессуального права, его осознании.

В научной литературе все чаще появляются предложения восстановить в законе *категорию правосознания*, которая прямо упоминалась в ст. 71 УПК РСФСР²⁶, а одним из важнейших принципов свободы оценки доказательств называется «отсутствие заранее установленных формальных ограничений»²⁷, главное, чтобы явно было обозначена цель уголовно-процессуальной деятельности — установление значимых для дела обстоятельств.

Тонкая грань между формальными и неформальными ограничениями видится в отсутствии в законодательстве заранее установленных принципов признания большей силы за теми или иными доказательствами и в наличии у правоприменителя обязанности осуществлять проверку всех собранных доказательств на предмет их достаточности, относимости, допустимости и достоверности. При этом соответствующие умственные построения, отражающие изложение логики доказывания, во всяком случае должны быть отражены в итоговом провозимительном акте (приговоре и обвинительном заключении).

Применение различного рода инновационных систем — баллов, кибернетических моделей произошедших событий — должны носить дополнительный, в некотором смысле методико-криминалистический характер²⁸.

Судья, прокурор, следователь и дознаватель безусловно связаны в процессе работы с доказательствами своей совестью, правосознание здесь подчеркивает необходимость признания гуманизма в качестве основного принципа уголовно-процессуальной деятельности.

Еще одно ограничение свободы оценки доказательств связано с изначальной субъективностью правоприменителя. Проводившиеся в 70-е — 80-е гг. прошлого века фундаментальные исследования по повышению эффективности судопроизводства по уголовным делам доказали к примеру, что психотип личности судьи, его индивидуальная активность напрямую влияют на формирование внутреннего убеждения по делу²⁹. Более того,

²⁶ См.: Яцишина О.Е. Внутреннее убеждение как основа свободы оценки доказательств в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 3.

²⁷ См.: Яцишина О.Е. Указ. соч. С. 39.

²⁸ Это признавалось также во время бурного развития в нашей стране кибернетики и системного подхода (см.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 433–434).

²⁹ См.: Авдеев М.И., Алексеев В.Б. и др. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. Ч. 2. М., 1975. С. 38–39.

ввиду коллегиальности принятия решений вышестоящими инстанциями налицо явление конформизма, при котором особое мнение судьи является крайне редким явлением³⁰. Конкретизируя сказанное, отметим, что по мнению ученых исход разрешения уголовного дела и отношение конкретного должностного лица к жизненным ценностям и, в частности, к праву, вера в его справедливость и возможность повлиять на исправление преступника коррелируются друг с другом. Профессиональная позиция определяет: какое (более или менее суровое) наказание будет назначено конкретным судьей. Оказалось, что среди лиц, оптимистически оценивающих окружающих, 20% придерживаются мнения о том, что соблюдение уголовного закона не зависит от его суровости, а 30% опрошенных были убеждены в том, что граждане уголовный закон соблюдают в силу того, что соглашаются с его содержанием. И обратно: среди пессимистов практически 47% посчитали, что только страх перед наказанием удерживает многих от совершения преступления (оптимистов в этом вопросе подобным образом определилось лишь 23%)³¹.

Приведенные утверждения характерны и для остальных должностных лиц системы уголовного судопроизводства.

Надо сказать, что всякое доказывание в уголовном процессе носит, как уже отмечалось, сугубо вероятностный, а значит и субъективный характер. Применение правил формальной логики происходит условно: по результатам исследования доказательственных посылок формируются умозаключения, носящие не правдивый (как это всегда было характерно для логики), а правдоподобный характер³². Традиционная логика «рассматривает только однозначные (достоверные) дедуктивные умозаключения», в то время как логика доказывания имеет дело с особым их видом — правдоподобными суждениями, основанными на «многозначной эквивалентности»³³. К примеру, «если человек угрожал, то правдоподобно, что он и убил» и обратно: «если человек убил, то правдоподобно, что он угрожал».

Устанавливая подобные непрочные логические связи между наблюдаемыми явлениями жизни, судья, прокурор, следователь и дознаватель опираются на свой прежний опыт, проводя аналогии между уголовными делами, находившимися у них в производстве, и делом, подлежащим разрешению в настоящее время.

Надо отметить, что очень часто версия обвинения не подтверждается с математической точностью совокупностью собранных доказательств (как правило, по уголовным делам собираются сведения о фактах, лишь косвенно указывающих на обстоятельства, включенные в предмет доказывания). Это особенно ярко заметно, если учесть, что защита практически по каждому уголовному делу, когда обвиняемый не согласен с предъявленным обвинением, ссылается на в той или иной степени правдоподобную версию развития событий, приведших к нарушению уголовного закона.

Также немаловажное значение для судьи, прокурора и следователя имеет грамотное изложение защитником своей позиции. Проведенное анкетирование следователей и дознавателей показало, что на убедительность позиции защиты влияют грамотность, объективность суждений, знание материалов дела³⁴.

Делая *промежуточный вывод*, скажем, что выявленные основания для ограничения свободы оценки доказательств носят в некоторой степени условный характер и на практике могут быть преодолены одним росчерком пера правоприменителя.

Так, состоявшаяся либерализация уголовного закона с демонстрацией явных перегибов в сторону создания предпринимателям привилегий привела некоторому консерватизму практику.

К примеру, нами не установлено ни одного случая удовлетворения Московским городским судом 1613 жалоб обвиняемых и их адвокатов, рассмотренных в порядке апелляционного пересмотра решений районных судов г. Москвы об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. По всей выборке³⁵, охватившей 2013–2015 гг., а также первое полугодие 2016 г., сторона защиты настаивала на отнесении преступления к числу совершенных в сфере предпринимательской деятельности, да и большинство преступлений были связаны с мошенническими действиями, в том числе, ввиду неисполнения хозяйственных договоров.

Оценивая сделанные наблюдения, можно сказать, что бесконтрольность правоприменителя при работе с доказательствами, его ничем необузданная капризность — есть деструктивный фактор с позиции достижения целей правосудия, обеспечения равного доступа любого гражданина к правосудию на заранее понятных условиях.

Можно, конечно, попытаться обосновать свое незаконное решение высшей справедливостью по отношению, к примеру, к одному из участников уголовного судопроизводства, однако не стоит забывать о других не менее важных универсальных положениях: принципах гуманизма, равноправия и обеспечения свобод граждан.

³⁰ Так, например, при рассмотрении уголовных дел Верховным судом РФ особых мнений судьями не высказывалось.

³¹ См.: Кудрявцев В.Н., Дагель П.С. и др. Основания уголовного-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М.: Наука, 1982. С. 147–149.

³² См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 454.

³³ См.: Эйсман А.А. Логика доказывания. М.: Юрид. лит., 1971. С. 35–37.

³⁴ См.: Яцишина О.Е. Указ. соч. С. 102.

³⁵ По данным, размещенным в СПС «КонсультантПлюс».

Необходимо найти золотую середину. Сделать это можно путем создания морально-юридических ограничений свободы усмотрения. Должна быть установлена жесточайшая ответственность дисциплинарного, административного или даже уголовного свойства в отношении должностных лиц, допустивших умозрительное ограничение прав и свобод граждан. Одним из ее оснований может стать фактическое отсутствие в приговоре, постановлении или ином процессуальном решении изложения мотивов, которыми руководствовалось должностное лицо, привлекая гражданина к уголовной ответственности или освобождая от нее. В этом ключе стоит вспомнить и об игнорировании очевидных оснований для оправдания лица или указывающих на отсутствие установленного законом повода освободить от уголовной ответственности.

В целях недопустимости излишней формализации процедуры оценки доказательств, учета практики Европейского суда по правам человека предлагается все же ввести в уголовно-процессуальный закон провозглашенный Конституционным Судом РФ принцип справедливости применения закона при осуществлении производства по уголовному делу³⁶, который мог бы в первом приближении раскрываться через запрет применения закона вопреки общепризнанным правам и свободам человека и гражданина, устанавливая обязанность находить объективную истину по делу. При этом разграничение его с положениями ст. 11 УПК РФ могло бы достигаться за счет фундаментальности заложенных в нем предписаний:

- права и свободы человека и гражданина в уголовном судопроизводстве являются безусловной ценностью для следователя, прокурора, суда и в целях обеспечения справедливости производства по уголовному делу в необходимом объеме должны соблюдаться на условиях, определенных Конституцией РФ и в установленном Конституционным Судом РФ порядке. Какие-либо изменения УПК РФ, ущемляющие данный принцип, являются ничтожными;
- установленный УПК РФ порядок производства по уголовному делу должен применяться в условиях признания и уважения процессуальных гарантий реализации прав человека и гражданина, за исключением случаев явного злоупотребления ими;

- собранные в ходе досудебного производства доказательства оцениваются судом, прокурором, следователем и дознавателем справедливо, на основе внутреннего убеждения, сформированного при осознании высоких идеалов правосудия и принятия судьей, прокурором, следователем и дознавателем особого бремени служения закону.

Список литературы

1. Авдеев М.И., Алексеев В.Б. и др. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. Ч. 2. М., 1975.
2. Алексеев В.Б. Оценка доказательств в стадии надзорного производства. М.: Юрид. лит., 1971.
3. Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. М.: Наука, 1966.
4. Бунина А.В. Приговор как акт правосудия. Его свойства: монография. Оренбург: Изд-й центр ОГАУ, 2006.
5. Воропанов В.А. Правовое регулирование статуса судей и судебных представителей в законодательстве Екатерины II // История государства и права. 2012. № 20. С. 41–44.
6. Гессен И.В. Судебная реформа. СПб.: Типо-Литография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905.
7. Грицанов А.А. Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом, 2003.
8. Грошевой Ю.М. Теоретические проблемы формирования убеждения судьи в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1975.
9. Карпенко В.М. Оценка доказательств следователем и дознавателем в досудебном производстве по уголовным делам: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2009.
10. Кудрявцев В.Н., Дагель П.С. и др. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М.: Наука, 1982.
11. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брунцын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016.
12. Никитаев В.В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление // Состязательное правосудие. Труды научно-практических лабораторий. М.: Изд-во Междунар. ком. содействия правовой реформе, 1996. Вып. 1. Ч. 2. С. 251–308.
13. Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М.: Юрид. лит., 1977.
14. Селина Е.В. Свобода оценки доказательств (принцип объективной истины) по положениям Уголовно-процессуального кодекса РФ о презумпции невиновности // Современное право. 2016. № 1. С. 109–112.
15. Старченко А.А. Логика в судебном исследовании. М.: Госюриздат, 1958.
16. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1.
17. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973.
18. Тимошенко А.А. Разумность как средство от формализма в науке и практике (уголовно-процессуальный аспект) // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 162–169.
19. Ульянова Л.Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М.: Госюриздат, 1959.
20. Хмыров А.А. Косвенные доказательства. М., 1979.
21. Эйсман А.А. Логика доказывания. М.: Юрид. лит., 1971.
22. Яцишина О.Е. Внутреннее убеждение как основание свободы оценки доказательств в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

³⁶ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

The limits of free evaluation of evidence in criminal cases

Tymoshenko A.A.,

PhD in Law, Associate Professor,

Professor of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation

E-mail: antim1@yandex.ru

Annotation. *The article deals with the evaluation of evidence procedure in the modern Russian criminal trial in a somewhat unusual context. On the one hand, marking the historical continuity of the law, the author draws attention to the rather wide margin of evaluation of evidence, he speaks of the «limitless» possibilities of law enforcer in this matter: he can apply diskrtsiyu in volume, which is necessary in a particular case. On the other hand, the analysis of certain provisions of the Code, and above all his art. 75, testifies to the existence of such restrictions. Among these include: the need to respect the principle of legality, establishing the objective truth of the case, ensuring the rights and freedoms of man and citizen, and, finally, the psychological and subjective factors that make official a slave of your emotions, expressions of individual personality traits. The author of care from the dangers caused by this ambiguous situation, it is proposed to formulate the law of criminal procedure the principle of justice with emphasis on human rights function a judge, prosecutor, investigator and the investigator.*

Keywords: *principle of justice in criminal proceedings, evidence, free evaluation of evidence, inner conviction, equality of the parties.*

References

1. Avdeev M.I., Alekseev V.B. i dr. Effektivnost' pravosudiya i problema ustraneniya sudebnyh oshibok. Ch. 2. M., 1975.
2. Alekseev V.B. Ocenka dokazatel'stv v stadii nadzornogo proizvodstva. M.: Yurid. lit., 1971.
3. Belkin R.S. Sobiranie, issledovanie i ocenka dokazatel'stv. M.: Nauka, 1966.
4. Bunina A.V. Prigovor kak akt pravosudiya. Ego svoystva: monografiya. Orenburg: Izd-i centr OGAU, 2006.
5. Voropanov V.A. Pravovoe regulirovanie statusa sudei i sudebnyh predstavitelei v zakonodatel'stve Ekateriny II // Istoriya gosudarstva i prava. 2012. № 20. S. 41–44.
6. Gessen I.V. Sudebnaya reforma. SPb.: Tipo-Litografiya F. Vaisberga i P. Gershunina, 1905.
7. Gricanov A.A. Noveishii filosofskii slovar'. Minsk: Knizhnyi Dom, 2003.
8. Groshevoi Yu.M. Teoreticheskie problemy formirovaniya ubezhdeniya sud'i v sovetskom ugovolnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Har'kov, 1975.
9. Karpenko V.M. Ocenka dokazatel'stv sledovatelem i doznavatelem v dosudebnom proizvodstve po ugovolnym delam: monografiya. M.: VNII MVD Rossii, 2009.
10. Kudryavcev V.N., Dage' P.S. i dr. Osnovaniya ugovolno-pravovogo zapreta. Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya. M.: Nauka, 1982.
11. Kurs ugovolnogo processa / A.A. Arutyunyan, L.V. Brusnicyn, O.L. Vasil'ev i dr.; pod red. L.V. Golovko. M.: Statut, 2016.
12. Nikitaev V.V. Problemnye situatsii ugovolnogo processa i yuridicheskoe myshlenie // Sostyazatel'noe pravosudie. Trudy nauchno-prakticheskikh laboratorii. M.: Izd-vo Mezhdunar. kom. sodeistviya pravovoi reforme, 1996. Vyp. 1. Ch. 2. S. 251–308.
13. Reznik G.M. Vnutrennee ubezhdenie pri ocenke dokazatel'stv. M.: Yurid. lit., 1977.
14. Selina E.V. Svoboda ocenki dokazatel'stv (princip ob'ektivnoi istiny) po polozheniyam Ugolovno-processual'nogo kodeksa RF o prezumpcii nevinovnosti // Sovremennoe pravo. 2016. № 1. S. 109–112.
15. Starchenko A.A. Logika v sudebnom issledovanii. M.: Gosyurizdat, 1958.
16. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovolnogo processa. M.: Nauka, 1968. T. 1.
17. Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom processe / otv. red. N.V. Zhogin. M.: Yurid. lit., 1973.
18. Tymoshenko A.A. Razumnost' kak sredstvo ot formalizma v nauke i praktike (ugolovno-processual'nyi aspekt) // Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovanii. 2014. № 4 (1). S. 162–169.
19. Ul'yanova L.T. Ocenka dokazatel'stv sudom pervoi instancii. M.: Gosyurizdat, 1959.
20. Hmyrov A.A. Kosvennye dokazatel'stva. M., 1979.
21. Eisman A.A. Logika dokazyvaniya. M.: Yurid. lit., 1971.
22. Yacishina O.E. Vnutrennee ubezhdenie kak osnovanie svobody ocenki dokazatel'stv v rossiiskom ugovolnom processe: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2005.